

УДК 94(47+571)

А.В. Захарченко

ПРОБЛЕМА СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НКВД– МВД в 1930–1950-е ГОДЫ

ГУЛАГ как один из ключевых субъектов экономики СССР регулярно сталкивался с проблемой повышения производительности труда заключенных. Руководство системы исправительно-трудовых учреждений НКВД–МВД пыталось совмещать внеэкономические методы трудовой мотивации с введением заработной платы и применением условно-досрочного освобождения, реализуя, таким образом, карательную и экономическую функции.

Ключевые слова: ГУЛАГ, методы трудовой мотивации, заработная плата.

Среди вопросов, связанных с экономической деятельностью НКВД – МВД в народнохозяйственном комплексе СССР, особое место занимал поиск оптимальных методов трудовой мотивации заключенных. Как показывают архивные документы, эта тема активно обсуждалась высшим партийно-государственным руководством, в том числе в НКВД – МВД в 1930–1950 гг., в результате чего система трудового стимулирования заключенных подвергалась существенным корректировкам.

После того как на исправительно-трудовые учреждения ОГПУ было возложено выполнение важнейших народнохозяйственных задач, был разработан комплекс мер по мотивированию труда заключенных. Так, «Положение об исправительно-трудовых лагерях», вступившее в силу в 1930 г., предусматривало такие виды поощрений, как улучшение жилищных и бытовых условий, денежное вознаграждение (премирование), а также представление заключенного к досрочному освобождению аттестационной комиссией. Утвержденный 1 августа 1933 г. постановлением ВЦИК и СНК СССР «Исправительно-трудовой кодекс» дополнял этот список зачетом рабочих дней, которые могли начисляться заключенным за «особо продуктивную работу». В приказах по Управлению лагерей ОГПУ в начале 1930-х гг. содержатся сведения о создании денежных фондов для материального поощрения заключенных (на строительстве дороги Кунгур – Свердловск, строительство Беломоро-Балтийского канала и др.).

Однако наиболее серьезным стимулом для заключенных были зачеты рабочих дней, то есть сокращение сроков заключения в определенной пропорции к количеству отработанных в лагерном производстве дней. 31 января 1935 г. народный комиссар внутренних дел Г. Ягода подписал «Временное положение» о зачетах рабочих дней. НКВД рассматривал такой инструмент стимулирования в руках лагерной администрации с двух сторон. С одной стороны, это возможность для хорошо работающих заключенных сократить себе срок, с другой – это угроза аннулировать уже накопленные «зачеты» узникам, уличен-

ным в нарушении режима и дисциплины. В то же время «Временное положение» ставило ограничение в применении этого ресурса трудовой мотивации для осужденных по «политическим» статьям: к осужденным по статьям «шпионаж», «террор», «диверсия», «измена родине» зачет рабочих дней разрешалось применять только по специальной санкции ГУЛАГа в каждом отдельном случае¹.

Другим рычагом стимулирования производительности труда была политика по внедрению заработной платы в лагерях и колониях. Приказом НКВД от 9 июня 1935 г. в качестве эксперимента она вводилась с 1 июля на строительстве канала Москва – Волга. Заключенные должны были получать заработанную сумму за вычетом стоимости содержания в лагере. 8 сентября того же года приказом заместителя наркома внутренних дел Я. Агранова «в целях повышения производительности труда в лагерях и местах заключения начиная с 1 января 1936 г. выдача премиальных вознаграждений заменялась прямой неограниченной сдельщиной».

В то же время, несмотря на существенные плюсы, система зачетов таила и определенные минусы, прежде всего организационного и бюрократического плана (необходимость вести строгий ежеквартальный учет, наличие злоупотреблений, приписок и т.д.), которые преодолеть в условиях изолированной и действовавшей фактически вне рамок правового поля системы лагерей НКВД (лагеря в основном руководствовались внутренними инструкциями наркомата и ГУЛАГа, а также разного рода временными положениями) было почти невозможно. Однако партийно-государственное руководство СССР обратило внимание на другой изъян, угрожавший основам принудительного труда – вероятный массовый отток наиболее производительной рабочей силы из лагерей в силу досрочного освобождения, о чем недвусмысленно заявил И.В. Сталин на заседании Президиума Верховного Совета 25 августа 1938 г. «... Они (заключенные) уходят с работы. Нельзя ли придумать другую форму оценки их работы – награды и т.д.? Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо... Будут освобождаться лучшие, а остаются худшие. Нельзя ли дело повернуть по-другому – чтобы люди эти оставались на работе – награды давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться (?!)... Может быть, так сказать: досрочно их сделать свободными от наказания с тем, чтобы они оставались на строительстве как вольнонаемные? А старое решение нам не подходит. Давайте... поручим НКВД придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте. Досрочное снятие судимости – может быть, так сказать? Семью нужно дать им перевезти и режим для них изменить несколько, может быть, их вольнонаемными считать. Это как у нас говорилось – добровольно-принудительный заем, так и здесь – добровольно-принудительное оставление»².

Мнение вождя определило дальнейший курс на свертывание системы зачетов, через некоторое время НКВД стал практиковать прикрепление за-

ключенных, чей срок наказания истек, за старым местом работы (строительство, производство) в качестве вольнонаемных, а в годы войны – трудмобилизованных – с запретом покидать место работы.

9 апреля 1939 г., по всей видимости в соответствии с пожеланиями И.В. Сталина, нарком внутренних дел Л.П. Берия направил В.М. Молотову письмо с предложением рассмотреть вопрос об отмене условно-досрочного освобождения заключенных, аргументируя это тем, что осужденные, если они хорошо работают, освобождаются досрочно в массовом порядке по истечении половины, а иногда и 1/3 установленного судом срока наказания. Нарком предлагал заменить зачеты старыми стимулами – улучшением материального снабжения и питания, денежным премированием и облегчением лагерного режима, оставив в виде исключения право Особого совещания НКВД по ходатайству руководства лагеря освобождать отдельных заключенных, проявивших себя как отличников производства. В качестве «кнута» Берия рассматривал применение к нарушителям режима и отказчикам от работы «суровых мер принуждения – усиленный режим, карцер, а в отдельных случаях высшую меру наказания»³.

Интересно, что по поднятой проблеме развернулась дискуссия. Глава правительства – председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов направил письмо Л.П. Берии на рассмотрение наркому юстиции СССР Н.М. Рычкову и прокурору СССР А.Я. Вышинскому, которые высказались против отмены условно-досрочного освобождения, так как она, как они полагали, «является мощным стимулом в укреплении дисциплины и повышении производительности труда». По вопросу применения высшей меры к «дезорганизаторам лагерной жизни» мнения разделились. Вышинский, поддержав ее, отметил, что высшая мера наказания должна использоваться при условии точного соблюдения законов. Рычков же выступил против, заявив, что есть и другие меры наказания – карцер, усиленный режим, тюрьма. Первоначально предложения Берии было решено снять с обсуждения на одном из совещаний СНК 7 июня 1939 г. Однако Сталин поддержал «инициативу» НКВД, о чем свидетельствует принятое 10 июня 1939 г. постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О лагерях НКВД»⁴. А 15 июня постановление об отмене условно-досрочного освобождения и ужесточении репрессивной политики в лагерях было оформлено в виде Указа Президиума Верховного Совета СССР⁵.

В послевоенный период руководство НКВД вынуждено было корректировать политику трудового стимулирования. Это объяснялось возросшими плановыми заданиями по строительству и производству, которые были возложены на хозяйственные организации НКВД. В письме заместителя министра внутренних дел В.В. Чернышова начальнику ГУЛАГа В.Г. Наседкину 31 марта 1947 г. предлагалось проработать вопрос о переводе всех лагерей и колоний на госбюджет, поскольку многие учреждения, содержащие заключенных, не в состоянии оплатить необходимое продовольствие, вещевое снабжение и капитальные работы в связи с убытками на производстве и строительстве. В.В. Чернышов предлагал подумать над вопросом о возвра-

шении старых форм стимулирования труда заключенных, которые могли бы получать часть заработанных ими денег на руки для улучшения своего бытового положения. Следовало бы, по мнению замминистра, вернуться и к зачетам рабочих дней. К такому суждению В.В. Чернышова подтолкнули тревожные сигналы с мест, когда начальники главков и отдельных хозяйственных подразделений писали о снижении производительности труда ввиду отсутствия необходимых стимулов у заключенных. Позиция руководства МВД по этому вопросу была сформулирована министром внутренних дел С.Н. Кругловым в ноябре 1948 г., когда он направил в правительство записку «О мерах по улучшению работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД», в которой, отмечая недостаток рабочих рук в лагерях вследствие послевоенной амнистии и освобождения военнопленных, предлагал решить эту проблему путем улучшения стимулов к повышению производительности труда: сокращения срока наказания для хорошо работающих заключенных, введения взамен не оправдавшей себя системы премвознаграждений денежной оплаты труда заключенных. Тем самым предлагалось покончить с базовой идеей самокупаемости ГУЛАГа⁶. Предложения Круглова были услышаны, и 20 ноября 1948 г. Совет Министров СССР выпустил постановление о частичном введении зарплаты заключенным на производстве. Затрагивало оно один из крупнейших главков МВД – Дальстрой. Отныне узники Дальстроя за счет своей зарплаты полностью оплачивали свое содержание и налоги. 13 марта 1950 г. опыт Дальстроя очередным постановлением Совмина был распространен на все исправительно-трудовые лагеря и колонии МВД⁷. Если затраты на содержание заключенного оказывались выше его фактического заработка, то на руки ему выдавалось 10 % суммы.

С введением заработной платы сразу возникли трудности с ее начислением. Руководство производственно-хозяйственных подразделений МВД, весьма положительно относясь к идее перехода от самокупаемости лагерей к их дотированию из госбюджета (это избавляло от необходимости вести тяжелую борьбу за рентабельность и экономию), при составлении фондов зарплаты зачастую переносило тарифную ставку вольнонаемных специалистов на оплату заключенных. Это естественно «утяжеляло» смету и влекло за собой дополнительные расходы, что вызывало нарекания в центральном аппарате МВД. В докладной записке заместителя начальника Главгидростроя МВД СССР М.Н. Попова заместителю министра внутренних дел В.В. Чернышovu 4–5 октября 1949 г. содержалось указание на ошибку в финансовом плане на 1950 г. по Волгодонстрою. В представленной смете доходная часть предусматривала расчеты с заключенными по зарплате исходя из расценок по вольнонаемным строителям, тарифицируемых по среднему разряду в 6,5, что составляло 20 руб. 77 коп. на один отработанный человеко-день. В то же время работу заключенных на строительстве оценивали по усредненному разряду 3,5–3,7, следовательно, тарифная ставка в этом случае равнялась 13,5–14 руб. на один человеко-день. Как отмечал М.Н. Попов, это приведет к завышению фонда зарплаты по Волгодонстрою минимум на 132 млн. руб. Поэтому начальник гидростроительного главка просил плановый отдел МВД пересмот-

реть фонд зарплаты Волгодонстроя, оставив оплату в 20 руб. 77 коп. одного человеко-дня по среднему разряду 6.5 только для вольнонаемных рабочих (скреперистов, экскаваторщиков и других высококвалифицированных работников строительства)⁸.

Судя по сохранившимся документам, установленные вычеты из зарплаты заключенных на их содержание были достаточно большими и во многом нивелировали эффект стимулирования. Так, в 1951 г. на строительстве Куйбышевской ГЭС при начислении среднемесячной зарплаты заключенным в 397 руб. на руки они в среднем получали 200 руб., при этом 7% заключенных получали лишь минимальные 10%. Еще хуже были заработки заключенных на Сталинградской ГЭС – 329 и 132 руб. соответственно. Здесь 11% заключенных получали 10-процентный минимум. Приведенные данные по зарплате заключенных отражают такую же тенденцию и по другим главкам МВД. Согласно докладу министра внутренних дел С.Н. Круглова, посвященному мерам по улучшению работы лагерей и колоний, который он сделал на совещании руководящих работников исправительно-трудовых учреждений МВД, средний заработок заключенных по всем лагерям и колониям МВД в 1953 г. составил 324 руб., а за всеми вычетами заключенные получали по 129 руб. 25 коп.⁹ В сравнении с окладами квалифицированных вольнонаемных рабочих предприятий гражданских наркоматов зарплата заключенных была значительно ниже. Рабочий угольной промышленности в месяц получал 1465 руб., цветной металлургии – 1343 руб., на швейных фабриках – 651 руб.¹⁰.

Насколько оправданным являлось внедрение заработной платы в системе исправительно-трудовых лагерей и колоний? Источники оставляют достаточно противоречивую картину. С одной стороны, в документах руководства МВД вплоть до самого высокого уровня подчеркивалась важность и необходимость такой меры. На уже упомянутом заседании министра внутренних дел Круглов заверил слушателей, что «перевод на зарплату оказал существенное влияние на рост производительности труда заключенных, на повышение их трудовой дисциплины на производстве, на сокращение нарушений лагерного режима»¹¹.

В 1953 г. в направленной заместителю министра внутренних дел Серову записке по общему анализу результатов перевода заключенных на систему зарплаты за первое полугодие плановый отдел министерства отмечал, что каждый заключенный получает зарплату в прямой зависимости от результатов своего личного труда. Заключенные, будучи заинтересованными в повышении своего заработка, предъявляют к своему руководству требования об устранении имеющихся место недостатков. Получение заработной платы и возможность приобретения дополнительного питания и вещевого довольствия благоприятно отражается на физическом состоянии контингента. Все это, как считали в плановом отделе, *«приводит к повышению производительности труда и улучшению финансового состояния лагерей – основной цели перевода заключенных на систему заработной платы»*¹².

Согласно проверке отчетности по лагерям и колониям в трех республиках, десяти областях и краях в течение апреля-мая 1951 г. в подразделениях

ГУЛАГа, имеющих собственное производство, число не выполняющих нормы выработки снизилось на 6,5%, выработка на одного рабочего повысилась во II квартале 1951 г. по сравнению с I кварталом на 14,3%¹³.

С другой стороны, в центральный аппарат министерства поступало множество сигналов о проблемах, вызванных решением внедрить зарплату для узников МВД. Но, как свидетельствуют документы ГУЛАГа и региональных производственно-хозяйственных подразделений, добиться улучшения финансовой системы исправительно-трудовых учреждений путем внедрения зарплаты было очень сложно в силу сущности самой лагерной системы и её обитателей. Одно из отрицательных последствий внедрения зарплаты – рост злоупотреблений с ее начислением, манипуляции с учетом выполненных производственных норм (приписки). Например, 1 июня 1951г. группой сотрудников Управления Сталинградгидростроя МВД СССР (начальником отдела труда и зарплаты Бурбелем, начальником планового отдела Стефанюком и начальником технической инспекции Курниковым) был подготовлен доклад по анализу причин перерасхода фонда заработной платы по строительным районам Управления. В докладе отмечалось, что прорабы и мастера на стройплощадках не знают фонда зарплаты, хотя сведения такого характера доводятся плановым отделом¹⁴ вместе с планом работ до строительных участков. Такая ситуация объясняется тем, «что от них никто не требует правильного расходования фонда. Подобная бесконтрольность привела к завышению объемов работ по нарядам, непродуманной организации работ, содержанию сверхштатных должностных единиц, низкому качеству работ, безнаказанному действию бракоделов»¹⁵. Особое беспокойство у авторов доклада вызвали приписки, то есть завышение реальных объемов выполненных работ и занесение этих данных в отчетные документы, по которым начислялась зарплата заключенным и вольнонаемным. Только за апрель 1951 г. по жилищно-гражданскому городскому строительному управлению Сталинградгидростроя перерасход фонда зарплаты составил 184851 руб. Анализируя причины такого перерасхода, авторы доклада в качестве основной называли отсутствие контроля по нормированию работ: «... На больших объектах приписки и намазки нагромождаются одна на одну... Приписки к объемам вспомогательных работ приняли массовый, хронический характер... Десятники и прорабы при попустительстве начальников участков всю работу по оформлению нарядов, включая описание работ, определение объемов, применение расценок, передоверили бригадирам из заключенных. У этих работников, видимо, не хватает времени для выполнения своих прямых служебных обязанностей»¹⁶.

В уже упомянутом отчете планового отдела МВД СССР констатировались регулярно повторяющиеся «отклонения» в ГУЛАГе и других производственных главках МВД: «Приписки, записи объемов работ, выполненных одними бригадами, другим для начисления им прогрессивки... Значительная часть низового нормировочного аппарата замещена заключенными, которые зачастую, находясь под влиянием бандитствующих элементов или под действием угроз, а иногда и по соглашению, сознательно допускают приписки и неправильное нормирование нарядов»¹⁷.

После войны в МВД вернулись и к зачетам рабочих дней. Первыми их стали практиковать в лагерях Главпромстроя, который был задействован в реализации атомного проекта¹⁸.

21 июня 1948 г. приказом МВД и генпрокурора на основании постановления Совмина в целях повышения производительности труда заключенных и обеспечения выполнения производственных планов Дальстроя в двух лагерях этого главка вводилась система зачетов, причем для всех категорий заключенных, в том числе и осужденных на каторжные работы¹⁹.

9 декабря 1948 г. заместитель министра внутренних дел В.В. Чернышов направил своему шефу С.Н. Круглову телеграмму о необходимости ввести зачеты рабочих дней на строительстве Волго-Донского канала. Аргументация заключалась в том, что в условиях нехватки рабочих рук (пока на строительство в нужном количестве не поступила техника) требуются мощные стимулы к труду. Чернышов просил поставить этот вопрос о распространении опыта Дальстроя и Главпромстроя на Волгодонстрой²⁰.

Характерно, что ряд местных партийных руководителей оценил решения МВД вновь перейти к практике условно-досрочного освобождения заключенных как определенный сигнал. В Совмин СССР и непосредственно в МВД поступают обращения секретарей региональных парторганизаций с просьбой разрешить применять на строительстве объектов и предприятий вверенных им областей систему зачетов. К числу таких обращений относится записка руководителя Мурманской областной парторганизации Прокофьева, направленная на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Л.П. Берии 8 июля 1950 г. В ней руководитель обкома просил *«распространить зачеты высокой производительности труда с соответствующим снижением срока заключения на временных рабочих (так он именовал заключенных. – А.З.), задействованных на новостройках Мурманской области²¹, поскольку ход строительства многих объектов отстает от намеченных темпов»*. Аналогичное обращение направил Л.П. Берии руководитель Челябинского обкома Н.В. Лаптев, предлагавший распространить условно-досрочное освобождение на заключенных, занятых на Челябинском тракторном заводе. С просьбой ввести зачеты на стройках МВД в Азербайджане обратился и секретарь ЦК этой республики Багиров²². Однако желания региональной партноменклатуры, как оказалось, не совпадали с позицией центрального руководства (в лице того же зампреда Совмина Л.П. Берии, курировавшего в правительстве вопросы органов внутренних дел). Старые опасения (высказанные Сталиным еще в 1938 г.) о неизбежном дефиците рабочих рук на промышленных предприятиях и стройках, которые обслуживались лагерями и колониями, являлись, пожалуй, одним из главных аргументов такой позиции. Этим и объясняется отказ, полученный региональными партийными лидерами от МВД, где подчеркивали, что зачеты вводятся в виде исключения, а не повсеместно, и только на крупных и важнейших для экономики страны объектах.

Всего же за период с мая 1948 г. по сентябрь 1950 г. зачеты были распространены на 60 лагерей и колоний МВД, где содержался 21% заключенных.

С другой стороны, МВД подверглось в вопросе о зачетах давлению со стороны тех, кто являлся противником применения условно-досрочного освобождения в исправительно-трудовых учреждениях. В частности, Генеральная прокуратура СССР выразила свое несогласие, учитывая, что указ Президиума Верховного Совета от 15 июня 1939 г. об отмене зачетов никто не отменял. В записке генпрокурора Г. Сафонова, посланной на имя Л.П. Берии, отмечалось, что практика зачетов подрывает стабильность приговоров судебных органов и снижает эффективность борьбы с преступностью. Оплата труда, введенная для заключенных постановлением Совета Министров от 13 марта 1950 г., может, по мнению генпрокурора, вполне заменить зачеты как стимул повышения производительности труда²³. Очевидно, Л.П. Берия направил записку Круглову, и тот 13 сентября 1950 г. дал ответ, в котором отвел все упреки прокуратуры. Министр внутренних дел отметил, что зачеты не распространяются на лиц, осужденных за контрреволюционную деятельность (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, анархисты, правые эсеры, меньшевики, националисты, белоэмигранты и т.д., которые содержатся в особых лагерях), и подчеркнул, что практика зачетов себя полностью оправдала. Про его словам, во всех лагерях, где они введены, отмечены высокая производительность труда и улучшение состояния режима. В лагерях Норильска, Дальстрою, Волгодонстрою после введения зачетов рабочих дней производительность поднялась на 20–30 %. И увеличилось число заключенных, выполняющих 1,5–2 нормы за смену.

В то же время введение зачетов всерьез поставило вопрос об оттоке на волю наиболее трудоспособной рабочей силы с необходимыми производственными навыками, которой многие стройки и предприятия МВД лишались в силу досрочного освобождения. Особенно это касалось лагерныхстроек, расположенных в отдаленных районах страны, где не хватало рабочих рук. В итоге МВД предложило вариант, который уже был опробован накануне и в годы войны – закреплять освобождаемых заключенных на тех объектах, где они трудились в период отбывания срока наказания. Тем более что еще 7 апреля 1952 г. такое разрешение было дано Дальстрою. Обращение С.Н. Круглова по данной проблеме было услышано, и 16 августа 1952 г. Совет Министров выпустил постановление о «закреплении на важнейших предприятиях и стройках МВД лиц, освобождаемых из лагерей от дальнейшего наказания в связи с применением зачетов рабочих дней»²⁴. Правительство мотивировало это решение необходимостью создания постоянных кадров рабочих и ИТР на стройках МВД. Право оставлять у себя в качестве вольнонаемных тех, кто получал досрочное освобождение по зачетам, предоставлялось не всем, а только важнейшим организациям МВД – Главпромстрою, Главнефтепестрою, Куйбышевской, Сталинградской ГЭС, строительству Волго-Балтийского водного пути, строительству Туркменского канала.

Таким образом, МВД занимало промежуточную позицию, которую условно можно назвать компромиссной. Вводя в практику трудовой мотивации зачеты рабочих дней, их рассматривали как важную для повышения производительности труда и реализации хозяйственных задач меру. Сохранялось

убеждение в том, что такая мера не должна была заслонять собой одно из важнейших направлений карательной политики – «*изоляцию социально-опасных правонарушителей и контрреволюционных элементов*». Не случайно в докладе заместителя начальника ГУЛАГа НКВД СССР А.П. Лепилова, адресованном Л.П. Берии и его заместителям Чернышову и Кобулову в марте 1940 г., подчеркивалось, что «*охрана социалистического общества от опасных и враждебных элементов является первой основной функцией ГУЛАГа НКВД*», в то время как функция «*трудового использования заключенных в целях воспитания у значительной их части трудовых навыков и приобщения всего их состава к социалистическому строительству*» называлась во вторую очередь²⁵. Однако, превратившись в одного из крупнейших субъектов экономической деятельности, НКВД – МВД вынужден был в процессе реализации хозяйственных задач учитывать и вторую вышеназванную функцию. В таком случае государство, исходя из экономических интересов, отдельными постановлениями и приказами вносило коррективы в карательную политику.

Так или иначе, однажды обратившись к таким источникам трудовой мотивации заключенных ГУЛАГа, как введение заработной платы и условно-досрочного освобождения по совокупности зачетов рабочих дней, и в центральном государственном аппарате, и в руководстве МВД балансировали между двумя функциями исправительно-трудовой системы, тщетно стараясь найти «золотую середину».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 3. Экономика Гулага / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М., 2004. С. 128, 129.

² ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под. ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2002. С. 113.

³ История сталинского Гулага... С. 161.

⁴ Там же. С. 539.

⁵ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960... С. 117.

⁶ ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. С. 140.

⁷ История сталинского ГУЛАГа... С. 304–306.

⁸ Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: Собрание документов. М., 2008. С. 222, 223.

⁹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960... С. 669.

¹⁰ Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000. С. 65.

¹¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960... С. 669.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 137, 138. Цит. по: ГУЛАГ: экономика принудительного труда. С. 148.

¹³ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 90, 91. Цит. по: ГУЛАГ: экономика принудительного труда. С. 147.

¹⁴ Плановый отдел определял на все строящиеся объекты фонд зарплаты.

¹⁵ Государственное учреждение «Государственный архив Волгоградской области» (далее – ГУ ГАВО). Ф. Р 6497. Оп.1. Д. 6. Л. 68.

¹⁶ ГУГЛОВО. Ф. Р 6497. Оп.1. Д. 6. Л. 85, 87.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 145. Цит. по: ГУЛАГ: экономика принудительного труда. С 150.

¹⁸ Приказ МВД 17 декабря 1946 г. о введении зачетов рабочих дней для заключенных, задействованных в лагерях на строительстве цехов «Г» – при азотно-туковом заводе в Березняках.

¹⁹ При выполнении месячной нормы на 100–110 % один день заключения шел за 1,5 дня; от 111 до 120% – за 1,75 дня; от 121 до 135 – за 2 дня; от 136 до 150 – за 2,5 дня; от 151 и выше – за 3 дня.

²⁰ История сталинского ГУЛАГа... С. 288.

²¹ Кандалакшинский алюминиевый завод, рудники и обогатительные фабрики в Оленегорске, предприятие по добыче ниобия и т.д.

²² История сталинского ГУЛАГа... С. 292, 563.

²³ Там же. С. 289, 290.

²⁴ Там же. С. 295.

²⁵ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960... С. 725.

Поступила в редакцию 22.05.09

A.V. Zakharchenko, candidate of history, senior research scientist

The problem of stimulation of labor activity in the system of NKVD correctional labour facilities in the 1930s-1950s

GULAG as one of the key subjects of the economy of the USSR regularly faced the problem of increasing the labor productivity of prisoners. The management of the system of NKVD correctional labor facilities tried to combine non-economic methods of labour motivation with the introduction of wages and application of grant of parole, thus implementing the punitive and economic functions.

Захарченко Алексей Владимирович, кандидат исторических наук,
ст. научный сотрудник
Поволжский филиал Института российской истории РАН
444444, Россия, г. Самара,
пер. Студенческий, 4
E-mail: zaharchenko_a@mail.ru